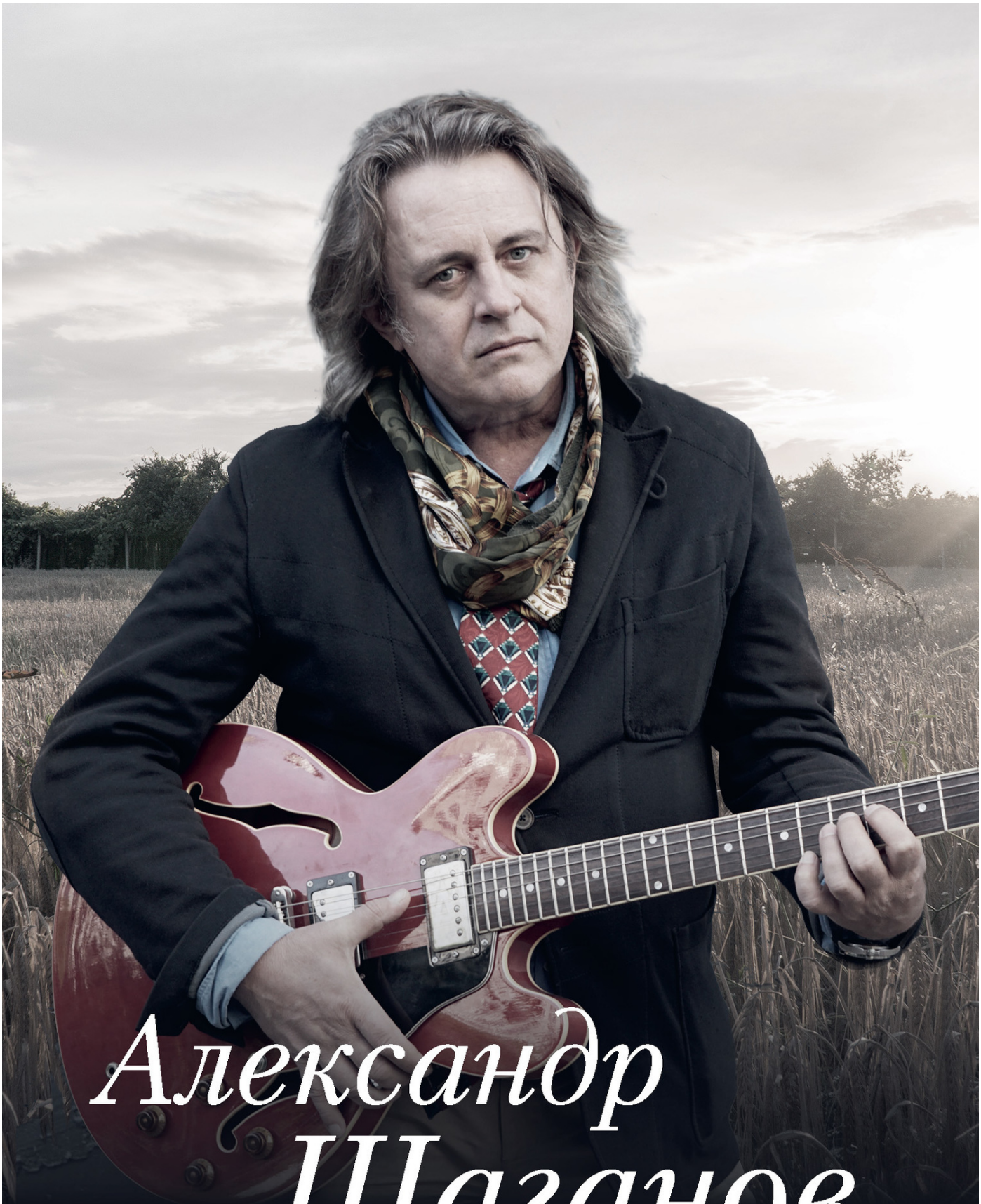

Александр Шаганов

МЫ ПОЙДЕМ С КОНЕМ ПО ПОЛЮ ВДВОЕМ...

Лучшие поэты

Александр Шаганов

Мы пойдем с конем по полю вдвоем…

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Шаганов А. А.

Мы пойдем с конем по полю вдвоем… / А. А. Шаганов — «Издательство АСТ», 2019 — (Лучшие поэты)

ISBN 978-5-17-112938-5

Александр Шаганов – поэт, на стихи которого написаны всем известные и давно полюбившиеся песни: «Владимирская Русь», «От Волги до Енисея», «Там за туманами», «Ребята с нашего двора», «Девчонка-девчоночка», «Комбат», «Атас!», «Тучи» и другие. Их исполняют Н. Расторгуев, А. Пугачева, С. Ротару, Д. Маликов, Д. Билан, группы «Иванушки», «Черный кофе», «На-на» и многие другие. Большинство его песен составили репертуар группы «Любэ».Стихи и проза сборника рассказывают о пареньке с рабочих окраин, ставшем замечательным поэтом и популярным человеком в шоу-бизнесе. Эта книга о любви, о жизни, о дружбе со знаменитыми артистами, об истории создания песен, о прошлом и настоящем времени. Она написана легко, с юмором, доброй самоиронией, живой искоркой счастья, которые так присущи Александру Шаганову.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-112938-5

© Шаганов А. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Выйду ночью в поле с конем 6
Я в рабочей семье народился 7
Метрика 8
«Я в рабочей семье народился…» 9
Юных Ленинцев улица зва́лась… 10
Ребята с нашего двора 11
Семья у меня большая 12
«Я в себе пока не разобрался…» 14
Детство мое 15
«С утра в полях птиц перекличка…» 16
Деревенский быт 17
«По деревне веселый иду…» 18
«Осень я жду, осень жду…» 19
«Никому я не нужен на свете…» 20
«Ах ты, поздняя осень…» 21
Скворешники 22
День рождения 23
Школа № 899 24
«Купила мама гладиолусы…» 25
Гости из Шотландии 26
НВП 27
«Не учили мы английский…» 29
«Окунемся в реке, окунемся…» 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Александр Шаганов
Мы пойдем с конем по полю вдвоем…

Серия «Лучшие поэты»

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива автора и графика Екатерины Шагановой

© А. А. Шаганов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Выйду ночью в поле с конем

Выйду ночью в поле с конем,
Ночкой темной тихо пойдем.
Мы пойдем с конем по́ полю вдвоем,
Мы пойдем с конем по по́лю вдвоем.

Ночью в поле звезд благодать,
Боле никого не видать…
Только мы с конем по́ полю бредем,
Только мы с конем по по́лю бредем.

Сяду я верхом на коня —
Ты неси по полю меня!
По бескрайнему полю моему,
По́ полю бескрайнему, вольному.

Дай-ка я разок посмотрю,
Где рождает поле зарю.
Ай – брусничный свет, алый да рассвет,
Али есть то место, али его нет?

Полюшко мое, родники,
Дальних деревень огоньки,
Золотая рожь да кудрявый лен —
Я влюблен в тебя, Россия, влюблен.

Будет добрым год-хлебород.
Было всяко, всяко пройдет.
Пой, златая рожь, пой, кудрявый лен,
Пой о том, как я в Россию влюблен!

Я в рабочей семье народился

Метрика

Разбирая архивы – есть у меня такой заветный сундучок, – наткнулся на метрику из роддома больницы № 68. Пожелтевший от времени документ сообщал о рождении 4 марта 1965 года младенца весом 3100 г и ростом 51 см. Фамилия Шаганов – беглым почерком, имя не проставлено. Первое впечатление, что написанное касается незнакомого тебе однофамильца. И не сразу понимаешь, что это о тебе самом. Что выписан из медицинского учреждения 14 марта с прибавлением в весе в 350 граммов.

Получается, что десять дней пребывал я в отличном физическом состоянии, развивался в пеленках, а у родителей были сомнения, каким именем назвать своего второго. Отложили до дома. И ведь были, видимо, варианты. И тут можно пофантазировать – какие именно? К сожалению, у родителей об этом уже не узнаешь… Но, прожив свои на сегодняшний день пятьдесят три года Сашей, Александром, Саней, иногда Александром Алексеевичем (не часто), понимаешь, что очень трудно даже представить, как еще по-другому могли бы тебя величать. Нет уж, как нарекли, так уж и нарекли! Мне нравится, я не против.

Вообще, забавные вещи встретишь в личном архиве. И наличие его не зазорно, я не согласен, вы уж простите, в этом с Пастернаком. Нужно и заводить его и над рукописями трястись. А вот в том, что быть «знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь» – тут я соглашусь.

К таким же своеобразным метрикам можно отнести и первые школьные тетрадки. Вот, например, передо мной зелененькая цветом, подветшалая тетрадочка для работ по математике ученика 1 класса «В» Шаганова Саши. Написано рукой учительницы Людмилы Александровны. Сам я еще писать не умею. Палочки, потом единички, цифирьки – домашние задания. Первая оценка случилась 16 сентября – четверка. А спустя месяц перьевая ручка заменена на шариковую, это я и сейчас помню, без архивной подсказки. Такая замена своего рода поощрение, значит, справляешься и можешь уже не пачкаться чернилами, а выводить два плюс три шариковой ручкой. В тетрадке этой 23 такие четверочные оценки, пять пятерок и столько же троек. На обложке оттиск печати красной звездочки. Тетрадь не дописана до конца, последняя запись на девятом листке от 4 ноября. Потом каникулы наступили.

А дневник – а? Это вообще документище! Спасибо, что мама, будучи сама учительницей начальных классов (но в другой школе), сохранила, а уже потом они и в сундучок перебрались. Среди замечаний на предпоследней странице у четвероклассника Шаганова записи строгие.

«19.03. Безобразно ведет себя на перемене. Толкнул мальчика так сильно, что он мог сломать себе позвоночник». А ведь на самом деле давал кому-то сдачи. Я, кстати, за всю свою жизнь никого не ударил по лицу. Ни в детстве, ни потом. Хотя многим и не мешало бы врезать! Но так уж я воспитан: бить человека по лицу – последнее дело.

«7.05. Мешает разговорами соседу». А иначе зачем мои места за школьной партой были всегда на «галерке»?

«8.05. Безобразно ведет себя на уроке изобразительного искусства». Рисовать я до сих пор не умею. Но моя жена Катя – художница. И за обедом я вполне сносно могу поддержать беседу о каком-нибудь там «Бубновом валете».

«Я в рабочей семье народился…»

Я в рабочей семье народился,
Юных Ленинцев улица зва́лась.
Этим фактом я очень гордился —
Всей страны моя гордость касалась!

Глядя в нежную даль Первомая,
Я шагал, семилетний оболтус,
Кулачонки от счастья сжимая
За страну, устремленную в космос.

Отутюжен костюмчик воскресный,
Выходная рубаха надета,
Жизнь веселая, мир интересный —
Детству я благодарный за это.

По подъездам гуляют гитары,
Серебря перезвонами полночь.
Откликаются смехом бульвары,
Жив на свете Владимир Семеныч…

Репетируют школьные ВИА,
Налагают запрет педсоветы.
Не слагаю стихов о любви я —
О любви пели нам «Самоцветы».

Пригуби из горла́ кислый «Рислинг»,
Вспомни вкус сигареточки «Ява»…
Эх, вернуть бы те грешные мысли
Для сегодняшней грешной забавы.

Не страдаю я по комсомолу,
И не жаль мне вчерашние танцы;
Как всегда, не везет по футболу,
Но в хоккей – нас стеснялись канадцы!

Да, конечно, не все было гладко,
Протоколы подписывал Пельше,
Но поболее было порядка,
И стреляли по гражданам меньше.

Пригуби из горла́ кислый «Рислинг»,
Вспомни вкус сигареточки «Ява»…
Эх, вернуть бы те грешные мысли
Для сегодняшней грешной забавы…

Юных Ленинцев улица зва́лась…

Оттого что она до сих пор не переименована, не знаю, как другие, а я себя чувствую по жизни поуверенней. До шести лет, мальчонкой – в колготках детских и шортах, по той моде, под неусыпным оком бабушки Насти пробегал я на той улице во дворе дома пятиэтажного, что рядом с кинотеатром «Кишинев». «Кишкой» – для простоты общения – наградили здание светло-рыжего кирпича старшие пацаны. Возводили его уже в моем понимающем пятилетнем возрасте. Помню.

Потом 28 годков прошли на 1-й Новокузьминской. Школа, институт… «Пиво в бидоне» с дружком моим, пятнадцатилетним Мишкой Шабаевым тоже в первый раз доставляли по тому же адресу. Вносили алюминиевый сосуд объемом 1,5 литра в 79-ю квартиру, пользуясь отсутствием родителей. Здорово я тогда травануился, лет пять запах пива не переносил. И там же наблюдался «с отцом разговор» по поводу этого не очень красивого моего подросткового времяпрепровождения. Собственно говоря, после от тех ассоциаций и песня сложилась «Ребята с нашего двора».

Это одна из самых давних моих песен. Она о моих детских впечатлениях. Говорят, жить надо сегодняшним днем. Я так не считаю. Когда думаю о прожитом, вспоминаю дорогих мне людей и приятные встречи, мне становится тепло. К тому же только теперь мы понимаем, что наша прежняя жизнь была не самой плохой. В России трудно найти поколение, выросшее без войны, а нам в отличие от наших родителей это удалось.

Ребята с нашего двора

От вечернего шума устанешь
И по старым прогулкам пройдешь,
И друзей своих рядом с собою представишь,
И студенческий воздух хлебнешь.

Вечерок этот дивный, блаженный,
Повторяется с каждой весной,
Ой, затянет тебя он беседой душевной,
Закачает, как мост подвесной.

И ты споешь про свет в любимом окне,
Про звезды, что в тишине над горизонтом горят.
И ты споешь, и тихо клены вздохнут,
И вновь тебе подпоют ребята с нашего двора.

И припомнятся звуки баяна
Из распахнутых в полночь окон,
Витьку рыжего вспомнишь, соседа-буяна,
И Кирюху по кличке Флакон.

Помнишь, пиво носили в бидоне —
Ох, ругался на это весь двор,
И смолили тайком мы с тобой на балконе,
А потом был с отцом разговор.

А еще я весне благодарен
За Отчизну, что все же живет,
И за то, что в апреле Гагарин
Совершил свой высокий полет.

И ты споешь про свет в любимом окне,
Про звезды, что в тишине над горизонтом горят.
И ты споешь, и тихо клены вздохнут,
И вновь тебе подпоют ребята с нашего двора.

Семья у меня большая

Семья у меня большая. Папа Леша, мама Юля, старший брат Юра и сестренка Лариса. Она совсем маленькая, только-только и ходить-то научилась – ножки колесом еще, а все равно – взгляд серьезный уже. Недавно мы переехали на новую квартиру, а до этого жили в одной комнате, а в квартире еще одна семья. Теперь по тому адресу бабушка Настя осталась, мы ездим к ней по воскресеньям в гости, а раньше все вместе ютились, как говорит бабуля. А теперь у нас с Юрой комната на двоих – детская – как одна та прежняя. И дом совсем новый, самый высокий – четырнадцать этажей. Мы на двенадцатом. Во как! И салют можно смотреть из всех четырех окон. Раздолье, по-другому не скажешь. И все очень рады. Особенно папа и мама. А мне шесть лет, и сейчас весна, потом лето, а осенью я пойду в школу. Она тоже совсем новая, мы будем первые первоклашки. Меня уже мама записала туда. И мне, конечно, немного боязно, но все равно я хочу, чтобы быстрей пришел сентябрь и я пошел учиться. У меня и портфель уже есть, и ручки, и тетрадки. Это все мне тетя Женя подарила на день рождения – 4 марта, на той неделе. А форму школьную купят в конце лета. Никто же ведь не знает, на сколько я вырасту в деревне. И я не знаю, расту себе и расту…

А еще тетеньки у подъезда сказали, что в нашем новом доме у нас, у Шагановых, всех больше детей. Ни у кого нет троих. А у моих папы и мамы – есть! Мы – Юра, я и Лариса. Вот такие вот мы, Шагановы, вот сколько нас! И этим я ужасно горд.

И все очень счастливы. Какой-то даже воздух счастливый, мартовский ветерок и запах новостройки ошеломляют. И все улыбаются, а я, наверное, больше всех. Я вообще очень хороший, только читать не умею, а считать до десяти – уже. Хотите, покажу?.. Вот видите, один раз только сбился. Считать меня научил мой старший брат. Это очень хорошо, когда есть старший брат.

А летом мы поедем к дедушке Павлу в деревню. Там у меня знаете что есть – велосипед! Уже на двух колесах, да! Из дома мы поедем к вокзалу на такси, потом ночью на поезде. Я буду так ждать, так ждать, когда же наша остановка, но все равно усну и спросонья ничего не пойму. Будет четвертый час утра, и мы уже за городом Владимиром. Еле-еле встает зорька, и нас встретит дядя Саша на грузовой машине. Мы с мамой и Ларисой сядем в кабину, а папа с Юрой (Юра ведь уже большой) – в кузов. И я тоже хочу в кузов, но мне не разрешат. Но ничего, Юра после мне все расскажет о дороге. А дедушка Павел улыбнется нам, как умеет только он, возле дома в Пигасово.

Самый лучший дедушка на свете! Папин папа. Я никогда не называю его «дед», а только распевно «де-едушка» или еще бегло – «дедуль». А бабушка наша Наташа умерла два года назад, и все плакали. И папа тоже. Он вообще никогда не плачет, а тогда плакал. Я видел.

Теперь в деревне остались дедушка и дядя Матвей. Дедушкин старший брат, как для меня Юра. Они всю жизнь вместе. Еще до войны, еще когда царь был, дядя Матвей ослеп. В три годика. Из-за тифа. Тогда тиф был, сейчас его нет совсем, а тогда из-за этого тифа проклятущего много людей умерло, а дядя Матвей выжил, но всю жизнь ничего не видит. Но зато вся скотина – корова, овцы там, слушается дядю Матвея даже больше, чем дедушку. И все мы дядю Матвея очень любим. И зовем все дядей.

Собственно, по причине овец и произойдет случай, о котором я расскажу. Так получится, что я останусь на день-другой только под присмотром дедули. Паренек я небаловной, поэтому особого пригляда не требуется. А дел у дедушки хватает. Вон сколько дров нужно наколоть. Дрова он колет получше, чем даже папа, хотя дедушка и не такой молодой. А я – знаете, что я сделаю?.. Вон уже пастух гонит стадо, ну я и подсоблю. Возьму кусок черного хлеба и сдобрю его коровке (ох, какое же вкусное у нее молоко, в городе такого нет!) и овцам. Наших штук шесть-семь. Все похожи друг на друга в стаде. Но ничего, парочку своих я запомнил, а осталь-

ные уж забегут в хлев за компанию. И дедушка после уж меня похвалит. Скажет: «Молодец, совсем уже взрослый стал».

Только выйдет-то все по-другому… Ну, корова – та понятно. Посмотрев удивленными глазами на незнакомого мальчика, буренка с достоинством проследовала за ворота. Даже моя краюха хлеба не понадобилась. Она только мычала, ждала дойки. А вот овцы, что бы вы думали, скушали весь мной предложенный хлеб, а за калитку ни-ни. Это я потом пойму, что они испугались меня, а я их. Все же ведь я городской парнишка и кормить с ладошки не очень-то обучен. Я их и хотел обойти со стороны, и так и этак, но они ни в какую. Бегают по деревне туда-сюда, я за ними по лужам. Все сандалии стали мокрыми. Уже меня и соседи спрашивают: «Саша, что случилось, где дедушка?»

Ну ладно, бестолковые овцы, не хотите по-хорошему, тогда я возьму кнут. Настоящий – дедушкин. Вообще-то нам, детям, строго-настрого не разрешалось даже приближаться к таким вещам, как косы, топор, кнут. Кнутик у меня был свой, детский, сделанный из старого ремешка. Но разве такого послушаются, нет, тут нужен дедушкин, только так! Чтобы и щелкал и свистел.

Короче, с дедушкиным кнутом загнал я бедных овечек аж до синего болота, там уж и до леса недалеко. И вот ведь как вышло. Дощелкался. Со всей шестилетней удали заехал аккурат себе по глазу. Аж голова подтреснула, искры брызнули. Глаз тут же заплыл, надулся синяком. И больно-то как, ой-ой-ой! Слезы катятся, не остановишь. Ладошкой прикрыл, бегу обратно в деревню, овцы мои следом. И тоже жалостливо блеют.

Весь зареванный, в мокрых сандалиях, продрогший, кнут бросил в кусты, подхожу к дедушке.

– Дедуль, посмотри, что у меня там с глазом?

– А что случилось?

– Да, вот мошка залетела, я и расчесал.

– Ну-ка, дай гляну… Ух ты, да это к тебе не мошка залетела, где это ты так, а?

– Мошка, мошка!.. – твержу себе под нос… Ну а как сказать-то, что кнут без спросу взял.

– Пойдем в дом скорей, Саша.

В доме тихо. Умыл мне лицо дедушка, дал рубль железный с Гагариным.

– Ты ляг, приложи к глазу и лежи, а я пойду фельдшера звать.

Заснул, и снилось мне, что будет у меня один глаз, а может, и вовсе ослепну, как дядя Матвей. Ну и ладно. Буду жить с дедушкой в деревне, а папа с мамой будут приезжать по праздникам. Ничего, проживем.

Крепко спал.

Зато на следующий день перебинтованный мой вид лихо позабавил деревенских ребят. Кутузовым дразнили. А мама, увидав, только руками взмахнула. Но не ругала. Чего уж ругать. Глаз-то видит, только синяк здоровенный. А дядя Саша даже по такому случаю возил меня на мотоцикле с коляской по полям вокруг деревни.

А про кнут я никому не сказал. Только Юре. Мы с ним потом из кустов его достали и на место повесили. Никто и не догадался.

«Я в себе пока не разобрался…»

Я в себе пока не разобрался,
Оттого, наверно, вольно жить.
Где не надо – я перестарался,
С кем не надо – я спешил дружить.

Удаль часто поджидает усталь…
Усталь – это больше, чем устал.
Еду в Суздаль, колокольный Суздаль,
Чтоб прислушаться к его устам.

Важно крепко помнить в жизни место,
Где восходит из глубин твой род,
Ведь земля – не булочное тесто,
А толпа – далеко не народ.

На владимирских лихих просторах
Деревенька есть посредь ветров,
Только город и военный порох
Пощадили в ней лишь семь дворов.

Здесь, в Пигасово, мой дед родился,
Строил школу бревна к бревнам вгладь.
Где в войну отец не доучился,
Где других детей учила мать.

В дальний лес, окутанный восходом,
С братом я ходил чернику брать.
Перед нашим ягодным походом
Бабушка твердила: «Потерять

Очень можно тама-де друг дружку.
Я в газету заверну вам хлеб,
Дам бидон для Юры, Саше – кружку».
И крестила с Юркой нас вослед.

Вечером бездушный телевизор
Заменял с лихвой роскошный чай!
Я теплом его с тех пор пронизан,
Даже если холод и печаль.

В памяти безудержного детства —
Поле за гумном, где цвел овес,
Дальше – лес, а там уж по соседству
Суздаль. От деревни – десять верст.

Детство мое

Детство мое, деревенское милое детство,
Дом – три окна, я теплом его был упоен.
Дом – три окна, вековые леса по соседству —
Детство мое, ты все снишься мне, детство мое…

Чудится мне предвечерний покой деревушки,
Вот я иду, новой книжкой, стишком окрылен.
А на пруду заливаются хором лягушки —
Детство мое, деревенское детство мое…

Детство мое, спой мне дивные бабкины песни,
Детство мое – молоко спозаранку и хлеб;
Детство мое, на мгновенье воскресни, воскресни,
Дом – три окна, где я вырос и где я окреп.

Да, навсегда я веселый парнишка беспечный —
Все нипочем, задрался козырек набекрень.
Вот я иду и такой молодой, и сердечный…
Детство мое, беспризорного сада сирень.

«С утра в полях птиц перекличка…»

С утра в полях птиц перекличка
Тоскливо на ветру дрожит.
И скоро наша электричка
Привычно в город убежит.

И там в кольце друзей и будней
Исчезнет паутинка слез,
И мы нечаянно забудем
Далекий лес и тихий плес.

Меж нами что-нибудь случится,
Я знаю, а сказать – боюсь.
В окно упрямый дождь стучится,
Тебя жалея, сам я злюсь.

Осенних дней слепая щедрость
Под клоуна леса рядит.
Но уж видна усилий тщетность
В безумстве огненных рябин.

Деревенский быт

В деревенском быту, даже несмотря на сегодняшние отнюдь не сахарные условия жизни, все равно есть какая-то неспешная размеренность, другой отсчет времени и, конечно, ощущение особого деревенского комфорта. Оно выражается в том, что постоянно чувствуешь себя членом большой семьи, в которой все зависят друг от друга, и отсюда взаимное уважение, а если и озорство, то не обидное, а просто демонстрация лихости или отваги.

Вообще, по моим наблюдениям, жизнь в небольших российских селах или провинциальных городках абсолютно отлична от Москвы, она как-то чище, не засорена ненужной информацией…

«По деревне веселый иду…»

По деревне веселый иду,
Задрался козырек набекрень.
Оборвал я в отцовском саду,
Не спрося, для любимой сирень.

Там, где полюшко, там, где родник,
Будет вечер тихонько звенеть.
Баловник, может, я, озорник,
Ни о чем не хочу пожалеть.

Для любимой моей, дорогой
Вольно песни орать на версту,
Для любимой, хорошей такой
Согрешил я в отцовском саду.

«Осень я жду, осень жду…»

Осень я жду, осень жду —
Тихую, золотую.
Ночью свечу зажгу,
Утром свечу задую.

В небе едва видна
Птиц перелетных стая,
Вот и пришла она —
Тихая, золотая…

«Никому я не нужен на свете…»

Никому я не нужен на свете —
Никому, кроме теплой листвы,
Кроме клевера в милом букете
И небес озорной синевы.
Ничего я на свете не знаю
И бреду неизвестно куда,
Всем-то обликом напоминаю
Проходимца, пропойцу, плута.
Не советчик я и не товарищ,
Не дружок молодцам городским.
Их и песнями не задаришь,
И стихами не вдаришь таким.
Да и ладно!..

«Ах ты, поздняя осень…»

Ах ты, поздняя осень,
Ах, неброский рассвет!..
Не печально мне вовсе,
Вовсе горечи нет.

Нет тревоги всегдашней,
Вольный воздух дрожит.
Кто живет настоящим,
Счастьем не дорожит.

Забреду, заплутаю
Средь озябших дубрав
И опять испытаю
Одиночество трав.

Не печально мне вовсе,
Вовсе горечи нет.
Ах ты, поздняя осень,
Ах, неброский рассвет!..

Скворешники

Мастерил по весне я скворешники,
Не скворешники ладил – дворцы.
Прилетайте, мои вы потешники,
Эх, скворцы вы мои, огольцы!

Я рубаночком радовал досочки
Все без устали по утрецам,
Чтобы были уютными гнездышки
Вашим деточкам, малым птенцам.

Будут песни гулять по окрестности,
Будут рощи вовсю зелены!
Пойте, пойте – не ради известности,
Ради матушки ранней весны.

Пойте ради пресветлого праздника
Безмятежную песню свою,
Песню вешнюю, песню сердешную…
Я вам тоже, скворцы, подпою.

День рождения

Свой день рождения я люблю. В начале марта он, четвертого числа. Бывает, что и солнечная погода случается. Месяц март в средней полосе России – неброский перстень, но для меня дороже нет. Вот говорят, что с годами это чувство радостное поутихнет. Никого не захочешь видеть в этот праздник. Дескать, с каждым днем рождения лет все прибавляется, а там уж, глядишь, и надо думать, как ласты грамотно сложить. Не знаю – посмотрим. В конце концов, ведь никто за тебя самого ни одного твоего годочка не проживает, все они твои – времена эти…

Исполнилось мне, помню, шесть лет. Первый день рождения на новой квартире в моей семье. У всех домашних по причине недавнего новоселья настроение и так зашкаливало, восторг виновника торжества и вовсе не поддается описанию. А самый главный подарок вечером должен был вручить мне папа, как я понимал своим дошкольным умишком. Я просто млел в ожидании его возвращения с работы. Для того чтобы семья с тремя малолетними детьми сносно существовала, отцу приходилось частенько подрабатывать после трудовой смены. Видимо, это был тот случай, если он задерживался. А я ждал и гадал, что же мне подарит папа. И вот наконец закурлыкал в прихожей звонок.

– Папа, папа пришел. Пап, а у Саши сегодня день рождения!

Мы, дети, всей ватагой бежали наперегонки, встречая отца в коридоре.

Но видимо, этот день был для него непростым, и по его виду я понял, что о подарке он вспомнил только в эту минуту… Поставив свой усталый портфель на пол, не раздеваясь, папа сказал:

– Сейчас я приду, подождите.

До сих пор для меня загадка, где в поздней вечерней мартовской Москве семьдесят первого года в новостроечном районе он умудрился купить мне этот подарок…

Через недолгое время папа вновь открыл дверь, и в его руках я увидел шоколад необъяснимых размеров. «Бабаевский» именовался. Конечно же я поделился им со всеми, как нас учили в семье. А обертку от этого сокровища еще долго хранил в коробке вместе с остальными мальчишескими игрушками.

Школа № 899

В школе я вел себя очень прилично. В походы, например, где все безобразия обычно творятся, никогда не ходил. В первом классе был командиром «звездочки», а в старших – комсоргом. Потихонечку разваливал комсомольскую организацию – собрания абсолютно не проводил. Классе в третьем у меня возникло желание заниматься литературным трудом. Были первые набросочки на уровне рассказа про белочку, птичку, рассказ «В лесу». А когда я сочинения писал, такие муки творчества испытывал!.. Но уже в более «позднем возрасте» мой кругозор ограничивался в основном школой и стадионом. Больше времени не оставалось ни на что. Так получилось, что в 15 лет я перенес операцию на мениске, ходил с палочкой и стал писать стихи… Этот слом юношеских ожиданий я воспринял как трагедию. Ведь я был капитаном юношеской команды и мечтал стать настоящим футболистом. А вышло так, что стал писать стихи.

«Купила мама гладиолусы…»

Купила мама гладиолусы,
Блестел застежками портфель.
Сентябрьский ветер путал волосы,
Сестренки ели карамель.
Родня хмелела от волнения,
Шел первый раз ты в первый класс.
И было столько восхищения:
«Сынок стал школьником у нас!»

А годы, годы, годы-саночки
Домчали до армейских трасс.
Да, ты давно не веришь в сказочки,
Но все равно сынок для нас.
Такой же ласковый, веснушчатый,
Как в том заветном сентябре.
Портфельчик новый, не игрушечный
Несешь ты гордо на заре.

Гости из Шотландии

– Шаганов, а ты почему не в белой рубашке? Сегодня к нам в школу приезжают ваши сверстники из Шотландии. По линии Общества дружбы народов.

Практически для нас, девятиклассников 899-й московской школы, люди с другой планеты. Построились мы линейкой в актовом зале, бодро исполнили «Эту песню запевает молодежь». «Ш-ш», акцентируя в окончании каждой строчки припева. Молодежь капиталистическая была чуть постарше нас. Одета нигилистически, сплошь конопатая и не говорящая по-русски. С дурацкими вымпелами в руках. А что они, джинсы должны были привезти? Мы, в свою очередь, за некоторым исключением, не очень блистали английским.

– Наши девчата поинтересней будут, – обмолвился я с Димкой Яковлевым.

– Еще бы, наши самые красивые в школе. Видишь, как потянулся к ним гость заморский.

Учителя во главе с директрисой натянуто улыбались, и было видно, что они начеку. И не зря. Один паренек шотландский, что повыше всех ростом, через переводчицу своим вопросом ввел в прострацию весь педагогический коллектив.

– Он спрашивает, где можно покурить? – бесстрастно перевела работница «Интуриста».

Учителя смутились, но всего лишь на какое-то мгновение. С той же деланой улыбкой директриса – наша строгая директриса, которая лично проверяла, не пахнет ли от тебя куревом после перемены, – отразила этот коварный вопрос, как Третьяк шайбу от Фила Эспозито:

– Вахрушин, Шаганов, пойдите с нашим гостем в мужской туалет, где он выкурит сигарету, не вздумайте курить с ним.

Ну, я-то футболом занимался, мне это ни к чему, а Мишка, покуривавший втихаря в ту пору, от предложенного «Мальборо» отказался.

– Сейчас примчится сама…

Так оно и было. И, пуская дым в потолок, широколобый наш друг интернациональный удивлял еще раз нас такой вот свободою нравов – покурить при педагогах.

Класс у нас был дружный. Девчонки самые-самые: Светка Вещикова, Таня Сучилина, Ширикова Марина, Лена Гладилина. Удалищева не отставала. Да все красавицы. И не дуры.

А классная руководительница Валентина Ивановна Кузнецова на десять лет всего старше своих учеников. Мы – ее первый выпуск. После выпускного даже прослезилась. Спустя годы нашей продвинутой кучкой мы решили отметить юбилей пятидесятилетней нашей Вали. Как положено, собрались в ресторанчике, сами уже сорокалетние. Давно не виделись и друг с другом… Круче всех сохранилась Валентина Ивановна, дай Бог ей здоровья.

А самым моим закадычным другом школьным был Широков. И по физкультуре-то у него еле-еле тройка выходила, и учителя многие напрягались на Саню из-за поведения не совсем стандартного, а я считаю, что в нашем классе он самым ярким был. И не зря после школы единственный из выпуска своим старанием поступил в университет. На географический, что тоже, согласитесь, много говорит о неординарности человека.

Да в общем-то, никто не потерялся по жизни… И конечно, если уж речь пошла о поре школьной замечательной, то нужно назвать и «учительницу первую мою» – Шаповалова Людмила Александровна, что приняла нас, «первоклашек», читать-считать учила. Хорошо бы, чтобы моей дочери достались такие учителя.

Школу нашу обычную № 899 на Новокузьминской улице несколькими годами раньше окончила и Елена Батурина, супруга Лужкова, но мы незнакомы…

НВП

А есть ли сейчас в современной школе предмет НВП? А именно – начальная военная подготовка.

В бытность оную моей юности ученической в 80-х годах в противостоянии двух систем: социализма и капитализма, школьники старших классов изучали азы военной науки два раза в неделю. Являться на урок полагалось в галстуке, аккуратно подстриженным. Соответственно, мы, парни, старательно прятали свои гривы за воротник.

Преподаватель наш был отставной полковник, мы для него были возрастно – внуки.

Видимо, дома его рассказы и поучения уже не воспринимались должным образом, поэтому работе он отдавался с неистраченной энергией бывалого служаки.

Принес в школу шесть АКМ со спиленными затворами, учебные гранаты, винтовки-мелкашки, затрепанные уставы. Класс переоборудовал с трудовиком Федоровичем. За месяц получился мини-полигон. Где-то по старым связям достал секретные центрнаучфильмы для служебного пользования про атомную войну и т. д. Сам смотрел с нами упоенными глазами.

В гражданской одежде никто его не видел, даже ботинки строго военного образца. Подумывал о дополнительных факультативных занятиях по НВП, но тут уже был перебор – всё же у нас выпускной год, и многие ходили на подготовительные курсы в разные институты. Времени в обрез и тогда и сегодня у школьников.

Тир вначале он решил сделать в подвале под столовой. Там были объемные площади, но требовался мощный ремонт. И посему стрельбище было заорганизовано прямо в классе. Тот самый полигон. Вешались картонные мишени, и мы из позиции «стоя» и «лежа» палили по условному противнику. Строились в алфавитном порядке по пятеркам, и давай стрелять. И парни, и девчонки.

И случилась у моего товарища-однокашника Широкова осечка. Пуля застряла, выстрела не последовало. А полковник уже пошел снимать к мишеням результаты стрельбы.

Широков меня спрашивает, хлопая ресницами:

– Шаганов, чё делать?

Я говорю:

– Положи винтовку и доложи об осечке.

А Широков стушевался, как новобранец…

– Кому-нибудь достанется моя винтовка из следующей пятерки, лучше я…

И стреляет в угол за своей спиной. В школьный плинтус.

Полковник присел. Мгновенно, будто прыгнул в окоп. Втянул голову в шею, испуганно оглянулся в нашу сторону. Ну, собственно говоря, многие из нас тогда и узнали язык взрослых в обстановке военных действий. Из любимых внуков наш класс на неделю был переведен в разряд «внуки любимые, но как страна вам доверит оружие». Велено было всем подстричься.

Полковник был из малороссов, и букву «г» произносил как «х». Я у него был Шаханов.

А спустя тридцать лет я был в Чите. Давно мечтал побывать в тех краях, и вот случилась такая оказия. Проходил отраслевой конкурс поэзии среди путейцев, и меня как члена жюри отправили поприветствовать победителей Забайкальской железной дороги. Бескрайние просторы, чудесные люди, надо, думаю, об этом песню написать для «Любэ»…

А начальник самой протяженной рельсовой магистрали при знакомстве смотрит на меня как-то строго и недоверчиво…

Потом прояснилось почему. Встречающая в аэропорту тоже была, видимо, с украинскими корнями. Ему докладывают по телефону о моем прилете. Мол, встретили, поселили московского визитера.

– А что же вы раньше не доложили про высокого гостя? В каком номере расселили? Какова цель посещения?

– Завтра день железнодорожника, будет вручать грамоты победителям конкурса поэзии с нашей магистрали. Номер одноместный в лучшей гостинице, как положено. А о приезде сообщали – видимо, секретарь напутал.

– Срочно переселить в апартаменты люкс. С секретаря спрошу строго. На какой машине встречали?

– Наша «Волга» отдела культуры.

– Вы меня под монастырь подведете – надо было взять мой служебный автомобиль!

– А ему все понравилось. Ехал из аэропорта и все нахваливал наши края, вроде даже песню хочет написать про Читу, про Забайкалье…

– Что вы несете, какую песню? К нам прибыл вице-президент РЖД, а я только об этом узнаю, какую еще песню, вы что, с ума посходили? Срочно переселить в люкс и охрану на все время пребывания!

Короче, Дмитрий Сергеевич Шаханов – вице-президент РЖД. А моя фамилия Шаганов, так неправильно услышанная, навела столько смуты. Извиняйте уж.

«Не учили мы английский…»

Не учили мы английский
И с французским не в ладу.
Водку пили вместо виски
В городском саду.

Там такие были танцы,
Под ансамбль у пруда!
Задвигали голодранцы
Мы урок труда.

Не учили геометрий,
Комсомол не трогал нас,
От фарцовочных поветрий
Участковый спас.

– Дать бы в руки вам рубанки, —
Говорил тогда майор.
У меня теперь он в банке
Неплохой вахтер.

Да, все мы вышли в люди вроде
И не валяем дурака.
Но нет гармошечки в народе
У привокзального ларька!

Да, все мы вышли вроде в люди,
И каждый важно приодет.
И есть икорочка на блюде,
Вот аппетита чтой-то нет.

Пусть не те напитки пили,
И трусы у нас не шелк.
Но девчонки нас любили
Очень хорошо!

А в кармане пачка «Явы»,
В ней немного сигарет.
Эх, вернуть бы те забавы,
Для вот этих лет.

Мчатся гордые машины
По Рублевскому шоссе,
Подмосковные равнины,
Ковыли в росе.

Позову я Клаву, Маню

Вспомнить молодость мою.
Растоплю под вечер баню,
Песню им спою.

«Окунемся в реке, окунемся…»

Окунемся в реке, окунемся,
Примеряя ночную парчу.
Утром ветреным рядом проснемся,
Печь затопим, затеплим свечу.

За грибами пойдем на задворки,
На обед крепышей отберем
И утешимся без отговорки
Одиночеством и сентябрем.

Ненаглядная, так тебя люблю,
Свет сердечный, мое ясно солнышко.
Отведу беду и винца налью,
За тебя не грех, не грех и до донышка…

Не печалься о скором ненастье,
На леса погляди, на зарю.
За неброское русское счастье
Я одну тебя благодарю.

А снежок на дороженьки ляжет —
Это просто приспела зима.
Но покуда со мною ты рядом,
Не застудит мороз терема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.